

Нынешнему молодому поколению нелегко представить, что совсем недавно, в 40-е годы, Есенин был запрещенным поэтом. За чтение его стихов можно было получить 58-ю статью. Помню, еще совсем маленькой я впервые услышала его стихи от своего дяди. Своим теплым голосом он читал:

О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь...

И испуганный мамин возглас: «Ты с ума сошел! Ребенку! Ведь могут услышать». А иногда дядя брал гитару и, перебирая струны, напевал:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Сохранилось и другое детское воспоминание: Ваганьково. После посещения родных могил мама или бабушка обязательно заходили к Есенину. Детское воображение будоражило рассказы о молодой женщине, застрелившейся на могиле поэта. Чудилось роковое, таинственное...

Но с годами Есенин как-то забылся. В жизнь ворвался мятежный Лермонтов, изысканный Блок... Потом ураганом налетела Цветаева... И все же Есенин вернулся и остался в душе навсегда. Не по торжественным дням вспоминаются его стихи:

Душа грустит о небесах,
Она нежданных нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.
То сучья золотых столов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.

Околдованный Россией, пронзенный ее «веселой тоской», Есенин стал необходимой сутью существования,

С. Есенин. 1915 г.

— Вы вообще кривляетесь.
Потом Мережковский писал: «Альфонс, пьяница, большевик!».
А я ему отвечал: «Дурак, бездарность!»
Словом, поговорили... Они к нему были снис-

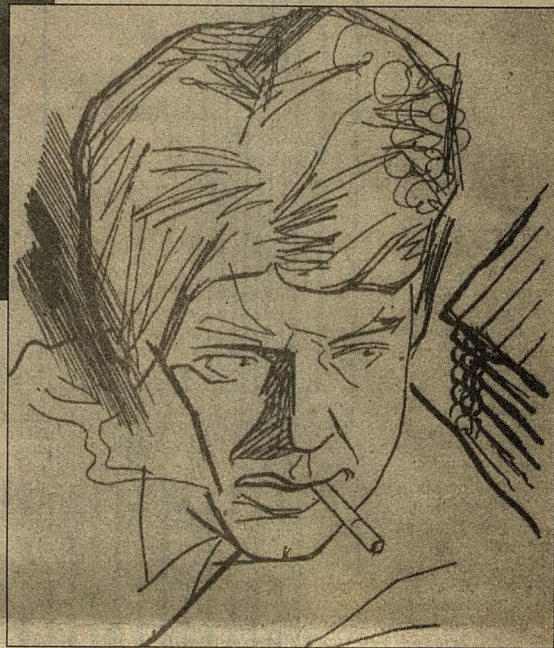

Рисунок Ю. Анненкова. 1923 г.

мне наиболее близок Юрий Мамлеев, утверждающий, что «весь океан есенинской поэзии, образной, звуковой, интонационной, непосредственно вступает в контакт с наиболее глубинными, первоэзанными, вековыми уровнями русской души — и именно в этом тайна ее сокрушающего бесконечного воздействия». В этом секрет того, что Есенина любили и «белые», и «красные», и юные, и старики. Видимо, в этом секрет того, что мне, горожанке (а вместе со мной и другим), практически не знающей деревни, понятны эти символы и интонации есенинской поэзии, воздействующие на душу и на подсознание, погружающие в деревенскую жизнь, делающая ее близкой, понятной, родной. И вслед за поэтом хочется повторять:

Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.

Видимо, правы те, кто утверждает, что «подтекст и дух его поэзии ведет в изначальный космос русской души».

Но спустимся с горных высот на бренную землю. Многим из нас не хочется задумываться о подтекстах и подсознании. Нам хочется знать, каким был наш поэт. Кого любил. От чего страдал.

По словам сотрудников музея-заповедника в селе Константиново, первый вопрос, который задают экскурсанты: «А сколько жен было у Есенина?» Вот и весь космос души...

И все же, сколько? Венчаных и нервенчаных. Не знаю. Впрочем, любопытствующим отвечает сам Сергей Александрович:

«— Женщин триста-то у меня, поди, было?

Смеется:

— Ну, уж и триста!

Смутился.

— Ну, тридцать.

— И тридцати не было!

— Ну... десять?

На этом и помирились.

— Десять, пожалуй, было.

Смеется вместе с нами».

(Э. Я. Герман. Из книги о Есенине).

Улыбнемся и мы. Да разве уточненное количество от- ветит на вопрос, почему метался в жизни, почему свое 30-летие встретил словами: «Сердце остыло и вывели очи»? Ведь мешанину хочется знать подробности, чтобы сравнить со своей жизнью, а подчас и возвыситься над гением.

А поэт — это другой человек, его поступки не проверишь алгеброй бытовой гармонии. Это даже Сальери не удалось. Поэт живет в параллельных мирах, никогда не пересекающихся:

Дар поэта — ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черной жабой
Я хотел на земле повенчать.

Он ласкал и «карябал». А иногда и бил. По-мужицки, пьяно. Он всегда был разным: любил и был холоден. Он был нежен и был невыносим. «Сергей — хам, — с отчаянием пишет Галина Бениславская. — Под внешней вылощенной манерностью, под внешним благородством живет хам». И это не эстетствующий Мережковский. Эта женщина — ангел-хранитель его последних лет. Позднее, после его смерти, она с болью вынуждена была признать: «Да, Сергунь, все это была смертная тоска, оттого и был такой, оттого так больно мне».

К каждой из его избранниц можно отнести:

Вы говорили:

Нам пора расстаться,

Что вас измучила

Моя шальная жизнь,

Что вам пора за дело приниматься,

А мой удел —

Катиться дальше, вниз.

Но и каждой из них Есенин мог ответить:

Любимая!

Меня вы не любили.

Не знали вы, что в сонмище людском

Я был, как лошадь, загнанная в мыле,

Пришпоренная смелым ездом.

А вот его письмо к Марии Бальзамовой, написанное им 18-летним: «Человек любит не другого, а себя, и жа- лает от него исчерпать все наслаждения. Для него без- различно, кто бы он ни был, — лишь бы ему было хоро- шо... Жизнь пуста, больна и глупа. К чему мне жить сре- ди таких мерзавцев, расточать священные перлы моей нежной души. Я — один, и никого на свете, который бы пошел мне навстречу такой же тоскующей душой...»

Простим этот выпрыснутый юношеский максимализм. Горько другое. Он именно расточал «перлы своей неж- ной души». Но в этом-то, видимо, и заключается крест

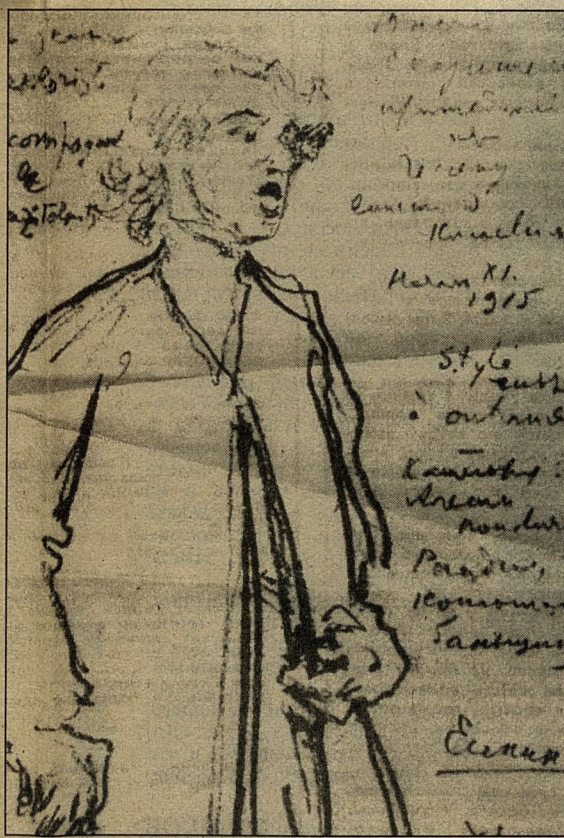

Рисунок А. Бенуа. Ноябрь 1915 г.

поэта. К нему непреложима гармония обывателя: жена, дети, стабильность. Ему постоянно нужны новые ощу- щения, новые страдания, они питают его поэзию, его тос- кующую душу. И он искал этих страданий.

Парфразирюя Киплинга, можно сказать: «Что поэту нужна подруга, женщине не понять, а тех, кто это пони- мает, не принято в жены брать». Может быть, от этого у Есенина никогда не было дома, постоянного жилья, бла- гоустроенного быта. Его преследовала бесприютность, тяготившая его. Вещи и рукописи были разбросаны по разным квартирам. Ночуя у кого-то из друзей, он, порой, вынужден был одалживать необходимые ему вещи.

Наиболее благоустроенной стала его жизнь в 1924— 1925 годах, когда вместе с сестрами он поселился у Га- лины Бениславской в Брюсовском переулке. Сюда при- езжала его мать. Чудесный вид на Москва-реку, купола Новодевичьего монастыря успокаивали взгляд, но не ду- шу. Это была чужая квартира. А он уже вступал в тот воз- раст, когда хочется иметь свой дом. И вот последняя по- пытка: жениться на Софье Толстой.

Ревнивая запись в дневнике Бениславской: «...по- гнался за именем Толстой — все его жалеют и презира- ют: не любит, а женился...».

Обратите внимание: «жалеют и презирают». Безжало- стность и бесцеремонность толпы. Не об этом ли он пи- сал в свои восемнадцать: «...и никого на свете, который бы пошел мне навстречу...»?

Впрочем, создать свой дом он мог и раньше. Самоот- верженно его любившая Анна Изряднова знала, что он уйдет, и отпустила. Без всяких условий. Растила сына. Незадолго до гибели Есенин заходил пощипаться: «Бе- реги сына». Не убергла. 23-летний сын Есенина Геор- гий был уничтожен ГУЛАГом.

Есенину было 22, когда он встретил Зинаиду Райх. Они познакомились весной 1917-го, а в июне, во время поездки к Белому морю, он ей сказал: «Хочу на вас же- ниться». Первое время Есенин был счастлив. Но слиш- ком он был молод, слишком много соблазнов окружало его. Слишком напористы оказались друзья и подруги. Их не устраивал одомашненный поэт.

Родились дети — Татьяна и Константин. Но семейная жизнь не получилась. Он еще не был готов, чтобы стать отцом и мужем. Улица звала его. Она заглушила в нем все другие порывы. Райх ничего не оставалось, как на- чать новую жизнь, которая принесла ей встречу с Мей- ерхольдом, любовь, счастье и... страшную смерть. Дети выросли одни. Отец — поэт-хулиган, отчим — японский широн.

Мне довелось знать Константина Сергеевича. Он про- изводил впечатление внешне сдержанного, отстран- ненного человека, отгородившегося от жизни шир- мой футбольной статистики. Сын поэта покоится вместе с матерью на Ваганьковом.

Совсем другой Александр Сергеевич Есенин- Волыгин, живущий ныне в США. Он унаследовал от отца не только дивные есенинские глаза, но и его бурный общественный темперамент. Я помню его по работе в ВИНТИ в 60-е годы. Он вызывал вос- хитение и некоторый страх. Мы знали о его высту- плениях на Пушкинской площади, о его насильст- венном помещении в психбольницу. По институту ходили легенды о нем, переписывались его стихи. Математик и диссидент. Это теперь о нем можно прочитать в опубликованных интервью. Тогда же все это вызывало ледяной восторг. Смелости хватало только читать:

— О, пророк! Не просто птица!
В нетерпении есть граница,
И тогда берут Вольтера —
Или бомбу и топор.
Мы бледнели от позора,
Так пускай не слишком скоро,
Ведь у нас разгар террора,
Но придет ли Терминатор?

Мать Александра Сергеевича, Надежда Давыдов- на Волыгин, отметила в этом году свое 95-летие. Поэт и переводчик. Она познакомилась с Есениным во вторую годовщину Октября. Есенин весь был во власти Айседоры Дункан. Надежду пригласили к Дункан как переводчицу. Незадолго до отъезда за границу Есенин разыскал Волыгин: «Будешь меня ждать? Знаю, будешь».

Отношения с поэтом, признается Надежда Давы- дова, были мучительными: «Я была влюблена. А он... Помню, в мастерской у Коненкова. Богемная обстановка. Накурено. Шум. Я вышла на кухню умыться лицо ледяной водой, немного освежиться. Сергей вышел за мной, тянется с ласками: «Мы так редко вместе. В этом только твоя вина. Да и боюсь тебя, Надя. Знаю: я могу раскататься к тебе большо- стростью!».

Не в этих ли словах ключ к его отношениям со

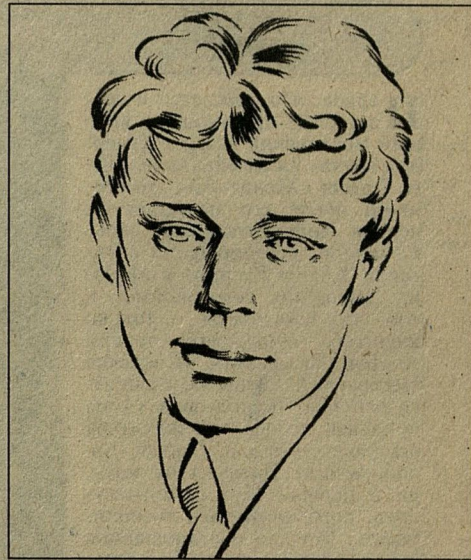

Рисунок И. Гурро

всеми женщинами. Он бежал от большой страсти, ин- стинктивно чувствуя, что женщина может его увести от главного в жизни — поэзии. Об этом же мы читаем и в воспоминаниях Тарасова-Родинова:

«...Ты, наверное, сидишь и думаешь, если любил, то почему же разошелся с теми, любимыми?.. В этом-то вся моя трагедия с бабами. Как бы я ни клялся кому-ли- бо в безумной любви, как бы я ни уверял в том самого себя — все это, по существу, огромнейшая и роковая ошибка. Есть нечто, что я люблю выше всех женщин, вы- ше любой женщины, и что я ни за какие ласки и ни за какую любовь не поменяю. Это искусство... искусство для меня дороже всяких друзей и жен, и любовниц».

Вот и Вадим Шершеневич вспоминает: «Любовь у не- го была на третьем плане». Да и сам Есенин не скрывал: «Я с холодом».

Сейчас в западной печати появились предположения, основывающиеся на воспоминаниях, что Есенин был би- сексуалом. Что ж, если это имело место, то еще туже за- тягивался узел...

Вот мы и подошли к самому роковому:

Я устал себя мучить бесцельно,
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца...

Перечитывая его стихи последних, предгибельных дней, понимаешь, как много он размышлял над своей судьбой. «Мне все равно эта жизнь полюбилась», — буд- то уговаривает он сам себя 14 октября 1925 года. И слово совет дает себе:

Жить нужно легче, жить нужно проще,
Все принимая, что есть на свете.
Однако понять — одно, воплотить в жизнь — дело со- всем другое. И вот опять печальные строки:
Цветы мне говорят — прощай,
Головами склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лица и отчий край.
Любимая, ну что ж! Ну, что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

«Эту гробовую дрожь» поэт ощущал и раньше. Еще в 1918-м он писал:

Может быть, к вратам господним
Сам себя я приведу.

Много написано о гибели поэта. Самоубийство. Или убийство? Ищут причину. Как будто она бы- вает одна. Нет, причин всегда множество. Однажды они сходятся в одной точке — и достаточно повода... Или полноту.

Мудрая Зинаида Гиппиус говорила: «А Есенину не нужен ни наш суд, ни превозно- шение его стихов. Лучше просто, молчали- во, по-человечески пожалеть его. Если же мы сумеем понять смысл его судьбы — он не напрасно жил».

Давайте, читая его стихи, попробуем по- нять его горькую судьбу. Без суеты.

Анна БЕЗЕЛЯНСКАЯ

«Дар поэта ~ ласкать и карябать»

когда не задаешь вопросы: «За что?» и «Почему?». Про- сто любишь и тоскуешь вместе с ним.

Есенин холодом расцвечены надежды,
Бредет мой конь, как тихая судьба,
И ловит край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа.

Перед тем, как сесть за этот материал, я вновь перечи- тала любимые строки, сходила на кладбище...

Очень хочется понять трагедию этого человека. Дра- матична судьба поэта на Руси. Практически ни у кого не было легкой судьбы. У каждого своя Голгофа...

Есенин появился в Петербурге в самый расцвет поэ- зии Серебряного века с ее уточненностью, метафорич- ностью, где-то манерностью, уносящейся в «очарован- ную даль». В кругу дам с лорнетами и пахитосками, оку- танных «духами и туманами», среди изысканных, изло- маных мужчин возник мальчик с васьковскими глазами и золотистыми кудрями, этакий «рязанский Лель». Он складывал необычные стихи, в которых слышался ше- лест берез, запах скошенного сена, звучал одинокий ко- локольчик. Вместе с Лелем в гостинице заглянула жизнь, которой боялись и бежали изнеженные «серебристы». Рязанского па- ренька в косоворотке встретили с любопыт- ством. Но не более того.

Оскорбленный бесцеремонным разгля- дыванием, Есенин впоследствии вспоми- нал: «...Мережковский называл меня хамом, называла меня Гиппиус альфонсом за то, что когда-то я, пришедший из деревни, имел право носить валенки.

— Что это на вас за гетры? — спросила она, наведя лорнет.

Я ей ответил:

— Это охотничьи валенки.